Анви Рид

Похороны Самайна

Мортицианы

МИФ

МИФ Проза

Анви Рид

Похороны Самайна. Мортицианы. Специальное издание

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Рид А.

Похороны Самайна. Мортицианы. Специальное издание / А. Рид — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2026 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281176-2

Накануне Дня Всех Святых в городе начинают появляться препарированные тела, и Гвинет Гриффин – ученица похоронного бюро – уверена, что с этим связан ее однокурсник Дориан Морроу, потомственный мортициан. Чтобы остановить тьму, Гвинет предстоит узнать тайны рода Морроу и раскрыть правду о мортицианах, погубивших тех, кого она любила. Но хватит ли ей сил противостоять надвигающемуся ужасу и не она ли станет следующей жертвой того, чье имя боится произносить целый город?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

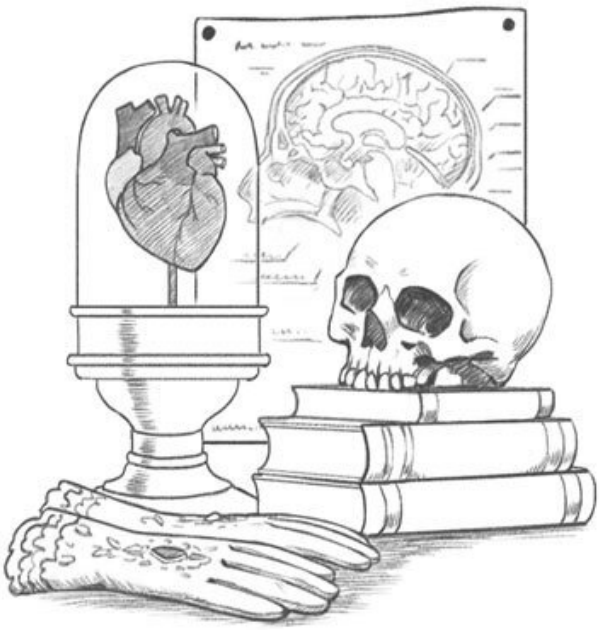
ISBN 978-5-00-281176-2

© Рид А., 2026
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2026

Содержание

Информация от издательства 6
Глава 1. Кровавые слезы безродной 8
Глава 2. Та, кому здесь не место 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Анви Рид
Похороны Самайна. Мортицианы

Информация от издательства

Рид, Анви
Похороны Самайна. Мортицианы. Специальное издание / Анви Рид. – Москва: МИФ, 2026. – (Романы МИФ. Коллекционное издание).
ISBN 978-5-00281-176-2

Книга не пропагандирует употребление алкоголя и табака.
Употребление алкоголя и табака вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

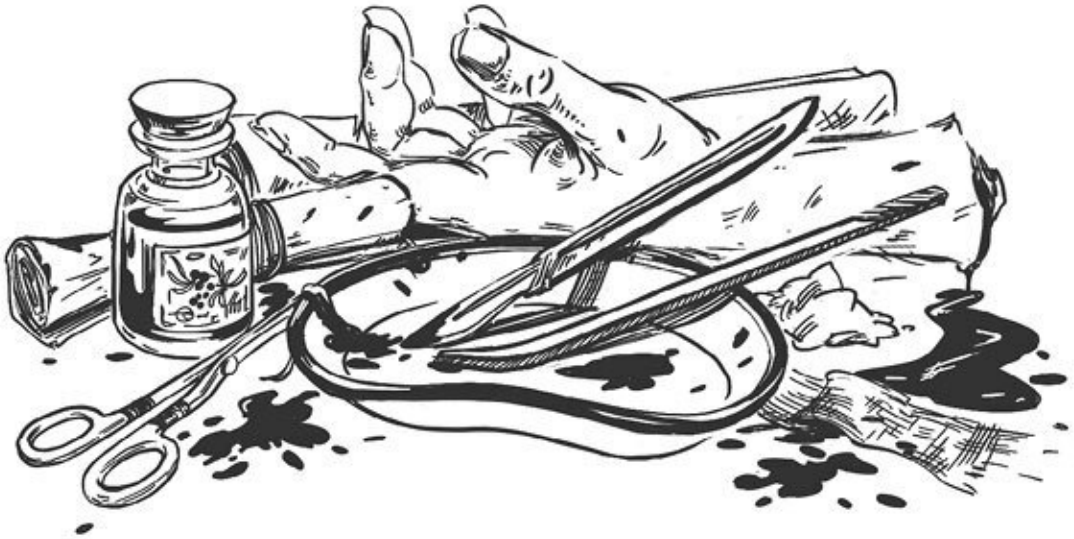
© Рид А., 2026
© Оформление. ООО «МИФ», 2026

Шалость удалась!

Глава 1. Кровавые слезы безродной

Дориан

В морге похоронного бюро «Грейвстоун» Дориан ожидал увидеть кого угодно, но только не ее… И если бы не остывший труп на столе, Дориан с радостью препарировал бы на холодном металле чертову сироту.

– Гвинет Гриффин, – представил профессор Шарп неспособную ответить за саму себя дуру. – Наш новый мортициан.

Дориана затошнило, едва он взглянул в карие глаза Гвинет. Она хлопала ресницами, стараясь противостоять окутывавшему ее страху. Эта идиотка была лишена хладнокровия… Очевидно, как и других свойственных мортицианам качеств.

За год она не изменилась. Те же спутанные каштановые кудри, ниспадающие на худые плечи, скромная белая рубаха с высоким викторианским воротником, вздернутый нос, усыпанный веснушками, и тонкие губы, которые она грызла в нервной судороге. Худощавая, как нищенка с улиц Уайтчепела, с бледной кожей, обтягивающей острые ключицы, и костлявыми пальцами, сжимающими потрепанный том анатомии. Обычно от Гриффин веяло пылью старых фолиантов и масляной булочной, но сейчас Дориан ощущал чистый ужас, заполнивший каждый угол мрачного зала с кафельными стенами, блестящими от недавней чистки, и рядами морозильных ящиков, гудящих, как паровые машины.

Гвинет робко растянула губы в улыбке, уставившись в его стальные глаза, и Дориан не упустил возможности обрушить на нее все свое презрение:

– «Грейвстоун» пал так низко, что теперь принимает в свои ряды безродных?

Гвинет вскинула брови. Это ее явно задело.

– Низко падаете вы, мистер Морроу, произнося столь неуважительные по отношению к мисс Гриффин и ко мне слова. – От голоса профессора Шарпа по спине пробежали мурашки – кажется, не только у Дориана, но и у трупа на столе. – Похоронное бюро «Грейвстоун» обучает как детей благородных кровей, так и членов Ордена Нетленных. В том году мы потеряли Гейба Прэтта, и ему на замену приняли Гвинет Гриффин.

Клемент Шарп был уважаемым человеком, который верой и правдой служил похоронному бюро столько, сколько Дориан себя помнил. Оттого что профессор каждый день нахо-

дился в морге, его кожа забыла про солнечный свет и стала такого же оттенка, как у трупа в одном из морозильных ящиков. Длинные темные волосы Шарп собирал в низкий хвост и прятал под белым стоячим воротником. Черная мантия, свисающая с его плеч, стелилась по полу и собирала пыль коридоров бюро. Клемент Шарп был грозным и черствым. На его лице никогда не появлялась улыбка, а угольно-черные глаза прожигали насквозь. Его боялись и живые, и мертвые. Ходили слухи, что даже трупы в морге выли, когда их препарировал Клемент Шарп.

– Замена крайне оскорбительна. Прэтт был сыном бывшего главы Ордена, но даже это не оправдывало его никчемные попытки создать лекарства. Если у него выходило скверно, на что тогда способна сирота? – Дориан уважал Шарпа и, честно сказать, побаивался, но еще больше он боялся стать напарником такой бездарности, как Гвинет Гриффин.

– Мисс Гриффин обязательно докажет свои умения. Дайте ей шанс, – отрезал Шарп.

Гвинет позеленела, когда профессор подвел ее к телу. Она с ужасом вглядывалась в обугленное лицо.

– Эдгар Бейкер. Тридцать три года. Время смерти… – профессор Шарп посмотрел на бирку, привязанную к ноге трупа, – двадцать минут седьмого. Найден в своей пекарне.

– Он сгорел? – Гвинет сглотнула подступающую тошноту. Дориан еле сдержал смешок.

– Это вы нам скажите. – Профессор Шарп указал на ее руки.

Длинные пальцы Гвинет прятались в перчатках. Черные, шелковые, с алыми рюшами и рубинами на окантовке, будто манжеты впитали в себя всю кровь безродной, они слишком хорошо сидели на руках той, кто не был их достоин. Дориан знал, откуда они у Гриффин, и злился еще сильнее. Она не заслуживала носить то, что принадлежало мортицианам по праву.

Гвинет посмотрела на Шарпа и, сморщив нос, вытянула руку вперед. Дориан увидел шрамы на ее запястье, едва прикрытые перчаткой. Ему захотелось вновь уколоть девчонку, как-то задеть ее, обидеть, но вдруг она, набравшись смелости, положила руку прямо на лицо мертвеца. Гвинет охнула, будто из груди выбили весь воздух, глаза распахнулись еще шире, зрачки помутнели, а белки покрылись алой сеточкой налившихся сосудов.

Кровь, смешиваясь со слезами, текла по щекам, заливая каждую из ее несуразных веснушек. Нити в перчатках девушки засверкали. Дориан прищурился, чтобы получше разглядеть, и нахмурился, когда понял: это не было игрой света. Он уже видел такие нити, знал, как щиплет руки, когда те сверкают, как зудит кожа и какие травы способны остановить огонь, обжигающий пальцы. Перчатки с искрящимися нитями Дориану достались по наследству. Они подарили роду Морроу власть. Их боялись так же сильно, как и желали. Уникальные. Опасные. И неповторимые.

Гвинет неотрывно смотрела в одну точку на стене за спиной Дориана. Кровь в ее глазах стала гуще, а пальцы теперь впивались в пустые глазницы. Перчатки и правда имели силу. Стоит пустить слух о них в бюро – и вопросов к этой безродной у мортициан появится немерено. Лучше бы ей занять место в одной из морозильных камер, нежели оказаться в руках тех, кто долгие столетия мечтал эти перчатки заполучить.

– Мисс Гри… – Профессор не успел договорить.

Ноги Гвинет подкосились, и она упала на колени. Дориан услышал глухой удар о камень, за которым последовал хрип, словно желудочно-кишечный тракт Гриффин вывернуло наизнанку. Гвинет рвало долгие минуты, но ни Дориан, ни профессор Шарп не предложили ей воды. Они лишь молча наблюдали. Мортицианы должны быть стойкими, и, если этого качества не хватает идиотке, пусть уходит отсюда на своих трясущихся двоих.

– Что можете сказать про смерть Эдгара Бейкера? – Шарп поморщился, учуяв кислый запах почти переваренного завтрака из желудка Гвинет.

– А? Да… да.

Гвинет с трудом встала и оперлась руками о секционный стол. Теперь Дориан отчетливо видел испачканную кровавыми слезами рубаху и слипшиеся кудри. Перчатки всегда забирали

свое, и, судя по тому, как безродная шипела от боли, она заплатила сполна. Неудивительно – перчатки не могли выбрать такую, как Гриффин.

– Прошу прощения, минуту. – Гвинет хлюпнула носом.

Она терла окровавленные глаза, пыталась проморгаться и бубнила себе под нос. Столь пристальное внимание профессора явно доставляло ей дискомфорт.

– Кажется, Эдгар Бейкер умер от пекарской астмы. Я почувствовала удушье в последние минуты его жизни, боль в легких и груди, – сказала девушка.

Дориан разозлился. Потому, что ее голос дрожал. Потому, что она еле стояла на ногах, и… потому, что ей *казалось*. В посмертном изучении болезней нужна точность, а не догадки.

– Все верно, – подтвердил Шарп, и внутренности Дориана рухнули куда-то вниз. Голова сразу заболела от сотни вопросов, что, как пчелы, жалили виски.

Дориан разозлился так сильно, что желудок обожгло изжогой. Это все было неправильно. Нечестно! По отношению к нему – да и ко всем мортицианам «Грейвстоуна»!

– Эдгар проработал в пекарном доме около двадцати лет. В записях сестер милосердия указано, что долгие годы он страдал от выраженного конъюнктивита и затяжного кашля, вызванного аллергенами, сопутствующими его профессии. Сегодня утром мистер Бейкер задохнулся в пекарском доме, очередной раз вдохнув мучную пыль и не сумев побороть приступ, он замертво упал на раскаленную сковороду, где топил сахар, и обжег себе лицо. Эдгар Бейкер скончался от болевого шока и асфиксии.

Понятно, почему в морге с утра стоял приторный запах. Мертвые тела пахли по-разному. Все зависело от вида смерти, которая их настигла. Но чтобы от трупа пахло жженой карамелью – для Дориана было впервые.

– С завтрашнего дня начнется ваше обучение, – объявил профессор Шарп, – а сегодня у вас есть время собрать вещи и заселиться в башню мортициан.

– Но профессор! – запротестовал Дориан. – Перчатки не могут выбрать… *такую, как она*.

– Это какую? – зашипела Гвинет.

– Бездарную глупую сироту, – с отвращением бросил Дориан.

Профессор Шарп закашлял, намекая, что им двоим пора замолчать. Гвинет повезло, иначе Дориан продемонстрировал бы ей свое мастерство препарирования. Ее дрожащее тело идеально подошло бы для оттачивания этого навыка.

– Вы и сами все видели, мистер Морроу. Не отрицайте очевидного, – произнес профессор Шарп. – Теперь вы напарники.

Дориан хотел было ему возразить, но тот не позволил.

– Расписание семинаров вы получите завтра на показательном вскрытии Эдгара Бейкера. – Профессор посмотрел на труп на столе. – Семья покойного благородно пожертвовала тело нашему бюро для обучения мортициан.

Это было неудивительно. Похоронное бюро в Каслтауне было одной из самых старинных организаций, и оттого почитаемой. Многие боялись «Грейвстоуна» и обходили его, как и студентов, стороной. Многие хотели здесь побывать и воочию увидеть морг, о котором распускали столько слухов. Кто-то и вовсе был готов отдать последнее, чтобы вступить в ряды его работников. Однако лишь единицы учились здесь. Лишь единицы давали клятву жизни и смерти – потомки самых знатных родов, чьи поместья стояли там, где Ирландское море облизывало песчаные пляжи.

И Гвинет Гриффин среди них не было места.

– Я хочу поменять напарницу, – сказал Дориан. – Дайте мне другого Нетленного.

– Это невозможно, – сухо ответил профессор. – Мисс Гриффин – способная ученица. Перчатки выбрали ее, а не кого-то другого. Да, мисс Гриффин не имеет того опыта, который

имеете вы, но, несмотря на это, она работала в госпитале Каслтауна и была там лучшей сестрой милосердия. За нее поручился сам…

– Кто?! – вспылил Дориан.

– Ваш отец.

Дориан опешил. Гвинет тоже.

Профессор Шарп направился к выходу. Воздух в морге дрожал – то ли от злости, которую источал Дориан, то ли от высокомерия Гвинет, зазнавшейся сильнее после услышанного.

– Вы же знаете, мистер Морроу, – негромко заговорил Шарп, остановившись, – что решения, которые принимает ваш отец, служат во благо мортициан, не так ли?

– Да, профессор, – шумно выдохнув, согласился Дориан.

Шарп был прав. Как и глава рода Морроу.

– До завтра, – попрощался профессор. – Ах да, мисс Гриффин, уберите с пола остатки вашего завтрака. – Поднявшись по лестнице, он наконец покинул морг.

Гвинет устало вздохнула. Она не хотела смотреть на Дориана – Дориан, напротив, бесцеремонно разглядывал ее. Каштановые кудри невероятно раздражали. Они спадали по спине, почти касаясь поясницы. Ужасно негигиенично… Еще и старомодно. Все уважающие себя девушки уже давно собирали волосы в высокий пучок.

– Ты пожалеешь о том, что приблизилась к избранным. – Дориан сделал шаг к Гвинет, она – два от него.

– Ты ничего мне не сделаешь, я хорошо тебя знаю.

– Правда так думаешь? Тогда заруби себе на носу, что ненависть моя к тебе лишь окрепла.

Гвинет вскинула брови и шагнула к Дориану. Тому стало мерзко. Он не хотел, чтобы Гриффин к нему прикасалась.

– Хотя… ненависти мало, чтобы описать то, что я испытываю к тебе и Прэтту.

– Не смей говорить о нем! – вспылила Гвинет. – Одна из заповедей обязует мортициан чтить мертвых. Не нарушай это правило, иначе я расскажу обо всем Шарпу.

Дориан рассмеялся. Эхо ударилось о блестящий кафель морга и растворилось в его темных углах.

– Как смело, безродная. Только где была твоя отвага, когда ты осматривала труп, а? – Он давил на нее, говорил грозно и тихо.

Гвинет стиснула зубы так, что скулы на ее худощавом лице стали еще острее. Ими можно было бы делать надрезы на трупах, подслушивающих разговор из морозильных ящиков.

Дверь в морг открылась с протяжным скрипом. На лестнице послышались шаги и голоса приближающихся мортициан.

– Твой дружок плохо кончил. – Дориан наклонился к Гвинет и поморщился от запаха переваренной еды. – Смотри, не повтори его судьбу.

И, толкнув ее плечом, он ушел, оставив безродную на растерзание другим спустившимся в морг мортицианам.

Гвинет

Гвинет знала, что в морге похоронного бюро «Грейвстоун» она встретит Дориана Морроу, но никак не могла вообразить, что перед ней предстанет до неузнаваемости изменившийся наследник древнего рода и мортициан. Гвинет не видела Дориана целый год, и ему, кажется, хватило этого времени, чтобы возненавидеть все, что между ними было. Наверное, он думал, что грубыми словами может ранить ее, но Гвинет было плевать. Дориан никогда не внушал ей страха. А вот обуглившийся труп на секционном столе, источающий запах жареного мяса и крови, – еще как.

Гвинет впервые побывала в морге. Она представляла его иначе, думала, что вонь здесь будет удушающе мерзкой, а мортицианы будут сновать туда-сюда в заляпанных кровью фартуках мимо разбросанных по полу частей тел и внутренностей. Но морг оказался… чистым. Гвинет не знала, что все рассказы старой сестры милосердия Мардж окажутся ложью. Кафель на стенах блестел, и даже стыки плит на полу были идеально вычищены. Пахло тут только хлором и спиртом – если, конечно, забыть об Эдгаре Бейкере.

Морг находился в подвале. Он был большим, с кучей комнат, которые Гвинет не успела обследовать. Профессор Шарп встретил ее у входа в «Грейвстоун» и, сопроводив через учебный коридор сквозь толпу глазеющих на новенькую мортициан и зал, где семья пекаря обливалась слезами, завел в морг. Гвинет так сильно волновалась, что успела запомнить лишь пару картин на стенах и плач жены Эдгара Бейкера. Ладони вспотели еще на улице, когда Гвинет заметила издалека шпиль главной башни похоронного бюро. Она поправила ворот белой рубахи, надеясь хоть немного сойти за одну из тех, кто там учился. Однако благородной крови в ней не текло, и Дориан Морроу не поленился еще раз напомнить ей об этом.

Гриффин не понимала, почему он смотрел на нее с презрением, с каким здоровые смотрят на чумных. Раньше, завидев ее, он улыбался, смеялся над ее кудрями и шутил, что из-за них Гвинет похожа на пугало в поле Вудов; слушал ее истории и ждал то в лесу, то на берегу Ирландского моря. Гвинет не понимала, что изменилось за этот чертов год, который она провела в трауре по друзьям, сидя в хижине или в архиве лазарета.

Сейчас во взгляде Дориана была такая ненависть, будто Гвинет убила кого-то из членов его семьи. Она заподозрила неладное еще летом, когда всю зиму и весну Дориан не приходил на *то самое* место, о котором знали лишь они двое. Гвинет переживала за него, зная, на что способен его отец, и писала письма, хоть и понимала, что, скорее всего, они послужат розжигом для камина в доме Морроу. Дориан не отвечал. Он отстранился, потерялся. И Гвинет, приняв это, отступила.

В начале осени она узнала, что тоже станет мортицианом. Гвинет ждала этого дня и думала, что их встреча растопит лед, намерзший между ними за долгую зиму, пасмурную осень и дождливое лето. Однако Дориан и сам превратился в колючую вьюгу. Он кривил губы в усмешке, заметив, что Гриффин бледнеет при виде трупа. Смеялся, когда она плакала, и с презрением напоминал, что ей здесь не место.

Было бы глупо игнорировать тот факт, что за год Дориан изменился. Внешность его стала… иной. Он вытянулся, волосы выгорели еще сильнее, глаза посерели. Голос погрубел, а движениями он уподобился змее. Сейчас Дориан пах кедром и мятой, а раньше – лишь формальдегидом и сухоцветами. Он источал холод, липкий и густой. Гвинет не знала, в какой момент Морроу возненавидел ее. Дориан наверняка каждый день вспоминал все ее недостатки, настоящие и мнимые, в мельчайших подробностях. Гриффин не представляла, откуда в нем было столько желчи, и как, маринуя ее внутри себя, он дожил до своих двадцати, не умерев от цирроза печени.

Осень в Каслтауне была невообразимо яркой и пахучей. Будто в одном котле смешали соленый аромат моря, перетертые листья крапивы и ягоды бузины. Воздух, холодный и кусающийся, был пропитан этим запахом. А солнце, пусть уставшее и тусклое, разливалось по алым листьям деревьев. Целые леса горели необузданным пожаром. Вспыхивали в обед, тлели по ночам, а по утрам тонули в липком тумане. С каждым днем все больше листьев опадало с умирающих деревьев и стелилось кровавой дорожкой у ног жителей города. Гвинет любила осень. Но голые ветви, холодные ветра и шумные волны моря были не добрыми знаками, а предвестниками ночи, когда из могильной земли вырываются озлобленные мертвецы и неупокоенные души.

Пробираясь сквозь толпу на торговой улице, Гвинет смотрела на пустующие прилавки. Жители уже готовились встречать незваных гостей и закупались тыквами, кристаллами,

костями животных и травами, отпугивающими покойников. Купив у милой старушки апельсиновый кальцит и дымчатый кварц для защиты территории, Гвинет поторопилась домой.

Хижина, как привыкли называть ее Гвинет с Гейбом, стояла в отдалении, посреди поля, раскинувшегося на северо-западе Каслтауна. Семья Вуд испокон веков была частью Ордена Нетленных. Травники и лекари выращивали цветы, злаки и другие растения и из года в год исцеляли людей от недугов, которые приносил Самайн. Вдоль протоптанной дорожки стояли высокие стога, а от самой хижины доносились голоса. Бэтси и ее сын Финн, сгорбившись, собирали урожай.

Покосившийся дом держался на честном слове. При жизни Ричард Вуд успел расставить вокруг него кучу балок, подпирающих кривые стены, но за долгие годы они прогнили от частых дождей.

Бэтси говорила, что Финн был похож на отца и старших братьев, но только внешне. Рыжие волосы, веснушки и зеленые глаза. Но не было в нем того озорства, которым обладали близнецы, и не было того любопытства, которым прославился его отец. А сейчас, когда после гибели родных на плечи Финна свалилось целое хозяйство, Гвинет практически забыла его улыбку. Бэтси же всегда улыбалась Гвинет, пусть даже та и не была полноценной частью Нетленных.

Гвинет уже два года подрабатывала сестрой милосердия в городском лазарете, куда отправляли раненых военных с большой земли. Война давно закончилась, но моряки, то оглохшие от залпа пушек, то обезвоженные, то до жути напуганные, приплывали в «Святую Хильду», где лекари делали все, чтобы бедолаги поскорее вернулись домой.

Дни в лазарете, сменявшие друг друга, были одинаковыми и, как считала Гвинет, скучными. Но это было ей на руку. В смены, особенно ночные, пока моряки спали, а другие сестры милосердия отдыхали в приемной, Гвинет изучала анатомию. Читала старые записи главных лекарей, древние книги из корабельных медблоков, оставленные в подарок военными, и фолианты, которые привозили с большой земли. Казалось, Гвинет знала о человеческом теле все. Но этого было недостаточно, чтобы выбиться в помощники хоть к какому-то лекарю. Проблема была в крови: Гвинет тошнило от ее запаха, а от вида и вовсе выворачивало наизнанку. И как бы она ни старалась, какие бы отвары ни пила, ничего не помогало.

Финн злился на нее. Он считал, что Орден зря решил, будто она принесет пользу. Выбора, однако, не было ни у них, ни у Гвинет.

Гриффин мечтала попасть в Орден Нетленных, но не той ценой, которую ей пришлось заплатить. Во всем виноваты были Гейб и Делла. Они рассказали Гвинет о членах Ордена, которые долгие годы излечивали людей от самых разных хворей. Этот Орден хранил тайны последних ведьм и Розамунды Мур, создательницы исцеляющих перчаток. Гвинет пыталась найти хоть какие-то записи про те века, но, по словам библиотекарей, они сгорели в великом каслтаунском пожаре двадцать лет назад. Тогда же Гвинет и Гейб лишились родителей и попали к Вудам.

Гвинет всегда чувствовала себя лишней. Большая семья Вуд приняла Гейба как родного. Сын главы Нетленных Лукаса Прэтта отлично вписался в ряды Ордена еще с детства, а вот Гвинет, дочери простых лекарей, пришлось доказывать свою полезность. Ее родители пали смертью храбрых – по крайней мере, Гвинет хотела так думать. Той ночью погибло много людей, не испугавшихся легенды о злобных тенях Самайна и кинувшихся из своих домов на помощь горящим синим пламенем людям.

Выжившие Нетленные нашли Гвинет громко плачущей в одном из разрушенных домов. На ее счастье, семья Вуд знала семью Гриффин. Кроме того, отец Гвинет успел спасти Бэтси Вуд, ринувшуюся за мужем на поле битвы. Последней просьбой отца Гвинет было спасение дочери. Мать Гвинет погибла под руинами, как и родители Гейба.

Так Гейб и Гвинет попали к Вудам. Нетленные пообещали защитить Гейба, сына главы Ордена Нетленных, и его подругу Гвинет.

Но они так и не смогли сдержать клятву: год назад в ночь Самайна Гейб умер.

Дома у Вудов царила тишина. Даже спустя год Гвинет не смогла к этому привыкнуть. Ей все еще мерещился голос Гейба и смех Деллы. Запах ягод, который шлейфом тянулся за ней, ощущался до сих пор: он впитался в подушки и покрывала, в стены и потолок. На двери комнаты Деллы в память о ней висел плющ, а Бэтси, оплакивая единственную дочь, каждый вечер оставляла у кровати Деллы стакан молока. Гвинет слышала, как Финн, заходя в комнату Гейба, разговаривал сам с собой. Он привычно рассказывал о своем дне, о погоде и о милых девушках, танцующих в тавернах на закате солнца.

Обычно время после обеда и ужина в доме Вудов проводили в тишине, но сегодня Финн прервал молчание.

– Ты молодец, – сказал он.

Гвинет убирала со стола после праздничного чаепития.

– Ты тоже будешь, если поможешь мне помыть посуду.

– Я не про это. – Финн взъерошил волосы, и рыжие пряди засияли в закатных лучах солнца. – Я про то, что ты теперь, ну…

– Мортициан?

Гвинет кинула тряпку на стол и села рядом с Финном. Миссис Вуд тихо посапывала на диване, и часы, которые однажды смастерили близнецы, тикали в такт ее дыханию.

– Да. Теперь ты одна из *них*.

Финн поморщился. Он никогда не умел скрывать эмоции, за это Гвинет и любила его. Считывать эмоции Финна было проще, чем у других, а значит, предугадывать поступки – тоже. Вот сейчас он фыркнет и прикусит губу. Сожмет кулак и посмотрит куда-то в стену.

– Я никогда не буду одной из *них,* Финн. Они богатые и благородные. А я сирота, которой там не место. И было бы здорово, если бы ты не напоминал мне об этом еще и дома. Хватает надменности в «Грейвстоуне».

Как Гвинет и предвидела, он прикусил губу.

– Это все-таки плохая затея. – Теперь Финн сжал кулаки. – Перчатки… они же…

Гвинет поймала его рассерженный взгляд. В лице Финна что-то изменилось, но Гвинет не понимала, что именно.

– Они вредят тебе. Я знаю, как опасна эта магия… Она чуть не убила Гейба.

Финн был прав. Магия давала силу, но забирала что-то взамен. Гвинет потерла глаза. Их до сих пор щипало после утра, проведенного в морге.

– Ничего уже не изменить. – Гвинет встала из-за стола и подошла к окну. – И я сделаю все, что от меня потребуется. – Взяла ступку и камень, купленный на рынке.

Финн тоже поднялся, с грохотом отодвинув стул, чем разбудил свою мать. Та закряхтела и, посмотрев на часы, спешно принялась за уборку. В доме и так было чисто, но ритуалам миссис Вуд старались не мешать.

– Ты права, – тихо произнес Финн. – Ты должна сделать это ради всех нас. Пусть и *такой* ценой.

Он ушел, громко хлопнув дверью и выругавшись. Гвинет видела, как он пинает бедный стог сена, как расстегивает рубашку, пытаясь остудить тело, вспыхнувшее от злости. Гвинет не злилась на Финна. Знала, что он переживает, потому что боится потерять ее, как потерял братьев и отца двадцать лет назад. И как по весне потерял сестру, а в осенней ночи – лучшего друга. Тогда в живых осталась лишь Гвинет.

Стоя у окна, она измельчала в ступке кристалл, крошку которого позже высыпала у порога. Торговка обещала, что зло, едва ступив на порог, вспыхнет, как сухой лист клена, и

сгорит. И если Гвинет не сможет остановить тени Самайна, пусть с ними справятся хотя бы эти, как уверял ее Финн, бесполезные обереги.

Глава 2. Та, кому здесь не место

Дориан

Смерть.

Она окружала Дориана: дом, город и весь этот гниющий мир, где в кости въедалась смердящая сырость, а туман душил сильнее петли. Смерти боялись. Она была чем-то таинственным и неизведанным, запретным. О ней шептались в лавках на углу, на мостовых, залитых дождем, в грязных пабах на набережной, где мужчины топили отчаяние в дешевом роме. Дориан видел, как люди содрогаются от страха при одной лишь мысли, что рано или поздно их настигнет старуха с косой. Он слышал, как над гробами в церквях рыдают вдовы, видел, как дети, вцепившись в плащи родителей, боятся заглянуть внутрь деревянного ящика. Жители Каслтауна молились, просили долгих лет жизни себе и здоровья другим. Будто там, наверху, куда то и дело устремлялись глаза скорбящих, кто-то сидел и, выслушивая, записывал просьбы. Лишь мольбы Дориана оставались без ответа.

Мысли о смерти были запретными. Везде и всегда, но не в доме Морроу. С самого детства Дориан слушал предсмертные завывания, но не страшился их. Наоборот, пытался понять, о чем же просили люди перед встречей со своим концом. Все они хотели одного…

Времени.

Еще немного времени.

Мольбы эти повторялись из года в год, как бой часов на Биг-Бене в далеком Лондоне, который Дориан видел лишь на гравюрах. Он мечтал увидеть его вживую, но вместо этого на свой десятый день рождения в подарок получил знакомство со смертью. Она украдкой ждала его в подвале. Это был секрет, которым отец поделился с Дорианом. И его посвящение в тайны мортициан, одним из которых тот обязан был стать.

* * *

Дориан сидел на широком каменном подоконнике «Грейвстоуна» и давился сухим куском вчерашнего хлеба. За мутным стеклом тянулась улица. По мокрой брусчатке стучали колеса кебов. Лошади, вяло тащившие их, недовольно ржали. Среди опадающей желтой листвы

мелькали черные зонты. Дым из труб струился к лучам солнца, пробивавшимся сквозь серые тучи. Смерть пекаря уже отразилась на Каслтауне, и там, где по утрам стояли очереди за горячими багетами, теперь кучковались вороны, клюющие хлебные крошки.

– Вы слышали, что в «Грейвстоуне» будет учиться еще одна Нетленная?

– Она пришла на смену Прэтту? Тому парню в очках?

– И от чего она будет искать лекарство? От сиротства?

Под окнами проходили мортицианы старших курсов в черных сюртуках и накрахмаленных фартуках. Они моментально замолкали, стоило им увидеть наследника рода Морроу.

– Как ты можешь завтракать перед уроком Шарпа? – Из-за угла вынырнул Хьюго и, скинув ноги Дориана с подоконника, уселся туда сам. – Смотреть с набитым желудком на то, как потрошат тела, – не лучшее решение.

Хьюго отобрал у Дориана кусок хлеба и запихал себе в рот. Его кудри, едва прикрытые шляпой, пружинисто торчали во все стороны, верхняя пуговица жилета была расстегнута. У Хьюго к виду кишок и крови уже был иммунитет. Он учился тут второй год, как и его напарник Изис, пять минут назад флиртовавший с девушкой на улице. Кажется, та разносила газеты, заголовки которых уже пестрели напоминаниями о первом дне ноября.

Дориан, ничего не ответив, стряхнул крошки, поправил белый воротник рубашки и спрыгнул на пол. Соединив руки за спиной, он пошел в сторону амфитеатра. Хьюго сразу пристроился рядом. Сегодня он был особенно бодрым, а значит, особенно болтливым.

– Как первая ночь в «Грейвстоуне»? Надеюсь, тебе снились трупы. Говорят, это добрый знак.

Хьюго был старше Дориана на год, но вел себя как младший надоедливый брат. Только ему Дориан позволял донимать себя и прощал все глупые шутки.

– Давай уже, – тяжело выдохнул Дориан. – Спрашивай.

– О чем? – Хьюго широко распахнул зеленые глаза, изображая искреннее недоумение.

– О безродной.

– А что с ней?

Все-таки из кудрявой башки Хьюго кто-то давненько вытащил мозги.

– Гвинет Гриффин моя *напарница*. – Последнее слово Дориан выплюнул с особым отвращением. – И еще – новая хозяйка исцеляющих перчаток.

Хьюго хмыкнул, но особого значения удивительному факту не придал. Его никогда не интересовали искрящиеся перчатки. Только настойки, красивые девушки и пробирки с различными биологическими жидкостями.

В «Грейвстоун» Дориан попал еще ребенком. Отец хотел показать ему морг, но Шарп запретил и запер мальчишку у себя в кабинете. Пока взрослые вскрывали тела и вдыхали тошнотворные запахи смерти и формальдегида, Дориан лежал на ковре, который когда-то был бордовым, а теперь выцвел до грязно-кирпичного, и, греясь в лучах солнца, считал книги на полках. Он до сих пор помнил, что их было триста девяносто четыре. Как оказалось позже, каждую из них Шарп не только прочитал, но и знал чуть ли не наизусть. Дориан же не успел ознакомиться и с половиной книг из профессорской библиотеки, ведь чем старше он становился, тем реже покидал дом. Поэтому сейчас, спустя много лет, Дориан с особым наслаждением прогуливался по бюро.

Он завидовал Хьюго и Изису. Завидовал каждому мортициану, учившемуся здесь уже несколько лет. Отец долго держал его на привязи, как цепного пса. Говорил, что еще не время, напоминал, что сын рожден для большего. И Дориан ждал. Ждал он, видимо, безродную, которая испортила ему мечту о желанной свободе.

Солнечные блики, прорвавшиеся сквозь грязные стекла высоких арочных окон, прыгали по серым каменным стенам. «Грейвстоун» тянулся вверх башнями, вниз – лестницами, в стороны – коридорами, на стенах которых висели портреты давно почивших мортициан. Запахи

воска, мокрого камня и хлора витали под сводчатым потолком. Дориан звонко вышагивал по плитке, а Хьюго еле поспевал за ним, перепрыгивая плиточные швы.

Сегодня в бюро было особенно шумно. Вести о новых учениках успели разлететься по этажам. И каждый, подходя ближе, пытался подслушать, о чем же говорили Дориан и Хьюго. Но суровый взгляд преемника рода Морроу разогнал всех по углам, заставив перешептываться и строить домыслы.

Хьюго обогнал друга и теперь шел спиной вперед. Он заглядывал Дориану в глаза и, щурясь, пытался угадать, что у того на уме.

– Скоро Самайн. Ты готовишься?

Дориан молча нахмурился.

– Остался месяц. Отец уже прислал письмо с большой земли, – Хьюго оглянулся, чтобы не врезаться в мраморную статую. – Напомнил о камнях и об оберегах.

– Ты же знаешь, что все эти безделушки – мертвому припарка, – сказал Дориан.

Они подошли к кабинету, который больше походил на древнегреческий амфитеатр.

– Скажи это тем, кто оставляет последние соверены на портовом базаре. Страх заставляет людей верить любым слухам. Особенно если они сулят облегчение мучений. А ждать ночи Самайна и прятаться в подвале дома, поверь мне, то еще испытание.

Хьюго похлопал Дориана по плечу и нырнул в амфитеатр. Дориан вошел следом и столкнулся лицом к лицу с преемником дома Форест. Долговязым, в слишком узком сюртуке, с чернилами на пальцах и манжетах. Тот забормотал извинения и почти завыл от страха, пятясь к своей напарнице. В этом году они выпускались из «Грейвстоуна». Хорошо, что их определили в архив ковыряться в бумагах, собирать паспорта, записывать даты и причины смерти в толстые журналы. Отец Дориана всегда говорил, что глава дома Форест не достоин даже копать могилы, не то что стоять у секционного стола. А его сын, как успел удостовериться Дориан, тем более.

В амфитеатре было светло. Помощницы Шарпа уже подготовили кабинет. Распахнули окна, насыпали опилок под секционный стол, накрыли труп простыней и разложили сверкающие инструменты на столике рядом. Дориан мог не глядя определить и долото, и костные кусачки, и пилу, которой раскраивали череп, и на ощупь провести вскрытие и сделать то, чему другие обучались долгие годы. Все это было для него обыденностью с десяти лет, поэтому завтрак, за который его отругал Хьюго, не был помехой. Дориана давно не тошнило от запаха и вида смерти.

Мортицианы стояли по кругу в рядах амфитеатра и сверху вниз смотрели на вышедшего из прилегающего коридора Шарпа. В зале повисло молчание; воздух вибрировал от напряжения: студентам не терпелось поскорее увидеть профессора в деле. Дориан забрался на самый верхний ряд и осмотрелся. Собравшихся было столько, сколько пальцев на руках, но одна рука, кажется, принадлежала калеке, ведь Гвинет Гриффин отсутствовала. Дориан надеялся, что она не явится вовсе, а потом разозлился, осознав, что наказание за это придется понести им двоим.

Ассистентка помогла Шарпу натянуть длинные перчатки по локоть из толстой белой резины, другая повязала чистый фартук, надела на него хирургическую шапочку и маску, скрывшую длинный горбатый нос и тонкие губы. Черные волосы, собранные в низкий хвост, прятались под тканью воротника.

– Прежде чем я извлеку органы Эдгара Бейкера, – начал профессор, и ассистентка сняла с трупа простыню, – напомню, что причиной смерти стало удушье. К сожалению, из-за внешних повреждений тело пекаря непригодно для бальзамирования.

А жаль. Мортицианам нужны были тела для практики. Давно в Каслтауне не умирали здоровые и молодые.

– Эдгар Бейкер, мужчина средних лет, плотного телосложения, – продолжил профессор. – Вы можете наблюдать трупные пятна в зонах локтей, спины и икр. Также, – Шарп указал

на лицо Эдгара, – есть выраженные участки, пораженные гниением. Кто мне ответит, почему тело разлагается быстро, несмотря на то что хранилось сутки в морозильном ящике?

– Смею предположить, что процесс разложения ускорило место кончины Эдгара, – заговорила Шарлотта Гонт, третьекурсница и главная возлюбленная Изиса. – Точнее, температура в этом месте. В пекарне она повышена, а значит, и ткани тела, – кстати говоря, более чем упитанного, – стали распадаться быстрее.

– Верно, мисс Гонт.

Шарлотта горделиво вздернула подбородок. Черное платье с зеленой шнуровкой сидело на ней безупречно. Темные короткие волосы были аккуратно уложены, в ушах блестели маленькие изумруды. Шарлотта была одной из лучших в «Грейвстоуне». Так считал и отец Дориана, из раза в раз напоминавший сыну, что она стала бы для него хорошей партией.

Шарп обвел взглядом остальных студентов и задержался на Дориане. Точнее – на пустом месте рядом с ним.

– Где ваша напарница, мистер Морроу? – спросил профессор.

«Мне безродная не отчитывается», – хотел ответить Дориан, или даже: «Надеюсь, подальше отсюда», но, чтобы избежать волны причитаний, сказал:

– Полагаю, осваивается в башне мортициан.

Шарп промолчал. В его темных глазах читалась усталость, которая обещала проблемы, если Гвинет не появится в ближайшую секунду. Неловкая пауза повисла надолго, и все глаза теперь смотрели на Дориана.

Дориан вздохнул и двинулся к лестнице. Стук его каблуков эхом разлился по амфитеатру. Дориан знать не знал, где искать безродную. Злость кипела внутри него от мысли, что на поиски уйдет не один час, а в голове уже зарождались сотни оскорблений. Но он зря беспокоился: через несколько минут безродная упала на пол перед Дорианом, запнувшись о подол.

– Где тебя носило? Почему позволяешь себе опоздания? – накинулся на нее Дориан.

Каштановые кудри Гриффин рассыпались по плечам, выбившись из ленты, белый фартук мортициана задрался выше колен, обнажив серые шерстяные чулки с затяжками. Она зашипела от боли, приподнимаясь на локтях, и посмотрела на Дориана снизу вверх. С такого ракурса глаза ее казались еще больше, еще темнее.

– Так нравится лежать в моих ногах?

Гвинет вскочила и отряхнулась.

Дориан шагнул к ней и произнес так тихо, чтобы услышала только она:

– Решила опозорить себя и меня в первый же день?

Но в кромешной тишине эти слова разнеслись далеко, их услышали и другие мортицианы, выглянувшие из открытой двери.

– Я… я… – заикалась Гриффин. – Я боялась заходить.

– Спятила?!

– Просто… – Она сжала пальцами край фартука.

Дориан не дал ей договорить. Схватил за локоть, обтянутый тонкой тканью, и потащил в амфитеатр. Гвинет спотыкалась, ботинки скользили по камню, но он не замедлил шаг. Захлопнув дверь, он толкнул ее к перилам в верхнем ряду и встал рядом, демонстративно игнорируя любопытные взгляды. Гвинет вцепилась в холодный железный поручень с такой силой, что костяшки побелели. Волосы упали ей на глаза, но Дориан успел заметить слезу на щеке, которая тут же сорвалась и упала на мысок потертого черного ботинка.

– Итак, начнем, – с раздражением произнес Шарп, и одна из ассистенток достала журнал для записей. – Перед вскрытием мы проводим внешний осмотр. Измерение роста, веса и фиксация телесных повреждений.

Пока Шарп описывал кожные покровы, раны, отеки и ожог на лице, ассистентка делала заметки. Остальные мортицианы тоже открыли конспекты. Все, кроме Гвинет. Дориан закатил

глаза и уже собирался прошипеть ей что-то едкое, когда на столе зазвенели металлические приборы, знаменуя начало работы.

– Приступим к вскрытию. – Ассистентка протянула Шарпу маленький ножик. Он блеснул в лучах солнца, которые согревали остывшее тело. – Делаем Y-образный разрез от одного плеча к другому и через грудную клетку вниз.

Гриффин шумно задышала, когда профессор провел лезвием по дуге.

– После вскрытия, – Шарп отдал скальпель помощнице, и та протянула ему металлические крючки, – мы оттягиваем кожу и мягкие ткани.

Гриффин вдруг пошатнулась и чуть не упала прямо на Дориана. Тот успел отойти, и она повисла на перилах.

– А сейчас мы с вами осмотрим внутренние органы, – объявил Шарп. Он отошел от тела и окинул взглядом амфитеатр. – Хьюго Кьюли и Изис Олдер, продемонстрируйте нам свои навыки.

Те сразу оживились, и Дориан, надо признать, позавидовал им. Изучать тело самому в разы интереснее, чем наблюдать со стороны.

– Могу я уйти? – задыхаясь, спросила Гриффин.

– Что, у безродной появились дела поважнее? – уколол Дориан.

– Я просто… я…

– Не смей, Гриффин. – Дориан увидел, что она отпустила перила и сделала шаг к проходу.

Тем временем Хьюго и Изис, взяв в руки скальпели и ножницы, принялись извлекать внутренние органы пекаря.

– Дориан, я… – Гвинет громко сглотнула.

– Только попробуй сорвать препарацию, – Дориан поймал ее за край фартука и потянул назад, – и следующее тело, которое мы будем изучать на секционном столе, будет твоим.

Гвинет подняла на Дориана покрасневшие от сдерживаемых слез глаза. Лицо ее было бело-зеленого оттенка, нос сморщился от отвращения, а нижняя губа нервно подрагивала. Дориану вдруг почудилось, что он видел ее такой не раз, но быстро отринул эти мысли.

– Я извлек *cor*! – с воодушевлением выкрикнул Изис, подняв над столом сердце, обильно залитое кровью.

Гвинет дернулась, повернула голову и впервые за все время посмотрела на то, что происходило внизу. На обугленное тело пекаря, на руки Изиса по локоть в крови и на стальные крючья, удерживающие распахнутую грудную клетку.

– И *pulmones*! – Хьюго продемонстрировал легкие.

Гвинет вырвалась из хватки Дориана и бросилась к выходу.

– Остановись! – Дориан рванул за ней.

Он нагнал ее у самой двери и, схватив за плечо, развернул к себе лицом. И сразу об этом пожалел: Гвинет не сдержалась и, согнувшись, извергла на ботинки Дориана весь свой завтрак.

Гвинет

Гвинет не впервые испытала такой стыд, как сегодня на препарации. Она была хорошей сестрой милосердия – так о ней отзывались и пациенты, и Мардж, трудившаяся с ней в лазарете. Но в том и была беда… От нее всегда ждали большего, но на большее она не была способна.

Гвинет не знала, почему так боялась вида крови. Не знала, почему желудок выворачивало каждый раз, когда приходилось перевязывать раны или того хуже – зашивать их. Руки тряслись, голова кружилась, а все тело била такая дрожь, что колени невольно подкашивались. Запахи металла, гноя, йода и бинтов Гвинет ощущала каждый раз, когда приходила в левое крыло лазарета, где лежали тяжело раненные и нуждающиеся в помощи моряки. Гвинет пыталась

работать голодной и умывалась холодной водой. Казалось, в Каслтауне не осталось растения, которого Гвинет не знала бы на вкус, но даже травяные настойки с порошками не помогали ей избежать тошноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.